

СКАЗКИ И СКАЗОЧНИКИ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

УДК 398.21
ББК 82.3 (2=411.2)-6

СКАЗКИ АКСЁНА ЛЯБИШНОГО В СОСТАВЕ РУКОПИСИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ И. А. ШЛЯПКИНА С ЗАПИСЯМИ ФОЛЬКЛОРА ОЛОНЕЦКОГО КРАЯ¹

МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА БАБАЛЫК

(Институт филологии Петрозаводского государственного университета:
Российская Федерация, Республика Карелия, 185910, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, д. 33)

***Аннотация.** В Саратове в одной из рукописей известной коллекции И. А. Шляпкина сохранились записи фольклора, сделанные ученицей О. Ф. Миллера, слушательницей Высших женских курсов в Санкт-Петербурге Н. Н. Барт близ Петрозаводска в деревне Ужесельга в начале 1880-х гг. Имя этой собирательницы неизвестно в среде фольклористов, но свидетельство о ее деятельности сохранилось в заметках И. А. Шляпкина. Собранный Н. Н. Барт материал, несомненно, представляет научный интерес, так как содержит ценные сведения о традиции исполнения былин и сказок в месте, где ранее записи не фиксировались. В данной статье вводятся в научный оборот новые имена исполнителей, а также не опубликованный ранее их репертуар — 3 былины и 5 сказок. Особое внимание уделяется анализу сказок Аксёна Александрова Лябишного.*

***Ключевые слова:** коллекция И. А. Шляпкина, фольклор Карелии, былины, сказки, исполнитель Аксён Лябишный.*

В Зональной научной библиотеке Саратовского национального исследовательского государственного университета находится на хранении часть коллекции известного ученого XIX — начала XX в. профессора Ильи Александровича Шляпкина. Круг научных интересов его многогранен: исследования, посвященные культуре и литературе Древней Руси, XVIII в., работа с архивными источниками, комментирование собрания сочинений А. С. Грибоедова, участие в жизни научных сообществ [Востриков, Лейбова, Лейбов 1995]. Более 25 лет И. А. Шляпкин занимался преподавательской деятельностью: читал лекции в Санкт-Петербургском университете, в Николаевском кадетском корпусе, Учительском

институте, Императорском Александровском лицее, Императорском Археологическом институте, на Высших женских курсах и в других учебных заведениях. Кроме того, Илья Александрович был известным коллекционером и библиофилом: свою библиотеку собирал он более сорока лет; к 1918 г. список собранных им книг включал около 18 тыс. наименований. Состав коллекции формировался разными способами: из букинистических лавок, с аукционов и распродаж, из лекций других собирателей, путем дарения. В 1895 г. была составлена дарственная, согласно которой библиотека должна была перейти Высшим женским курсам в Санкт-Петербурге, но в результате до 1909 г. Шляпкин передал курсам лишь

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-04-00207, «Рукописные сочинения о “матерном слове”, моде, табаке и винопитии в русской книжности XVII—XX веков».

часть коллекции, а вторую часть завещал во вновь открытый Императорский Николаевский университет г. Саратова [Востриков, Лейбова, Лейбов 1995]. В годы Великой Отечественной войны некоторые книги были перевезены из Саратова в Москву, где в данный момент хранятся в РГАЛИ.

Часть коллекции И. А. Шляпкина в Саратове представляет собой фольклорные тексты, записанные в разных регионах России. Значение этого собрания еще до конца не осмыслено в научной среде. Так, например, одна из рукописей принадлежала П. Н. Рыбникову и была опубликована в его «Песнях...». А. Б. Ипполитова провела сравнительный анализ этого сборника и его публикации и выявила ряд существенных неточностей в передаче текста в изданиях [Ипполитова 2017]. Ценными источниками являются и другие рукописи коллекции И. А. Шляпкина (см., например: [Пигин 2016, 308–314]). В подборке под номером 568, согласно описанию В. Н. Перетца [Перетц 1962, 475–482], включающей в себя 5 пакетов из 37 номеров, была обнаружена рукопись с материалами, собранными на территории современной Карелии, а именно в Петрозаводском уезде, в деревне Ужесельга². Поскольку эти места фольклористами не обследовались в начале 1880-х гг.³, данный источник представляет особый интерес. Рукопись-тетрадь № 28 написана аккуратной скорописью 80-х гг. XIX в. и включает всего 26 листов. После ознакомления с ее содержанием не осталось сомнений, что перед нами ценный материал, требующий дальнейшего изучения. Ценность представляют как сами фольклорные тексты — три былины и пять сказок, так и записи-примечания, сделанные рукой И. А. Шляпкина.

Как было отмечено выше, свою коллекцию Илья Александрович формировал разными способами, в том числе скупая книги других коллекционеров. Так, на л. 1 тетради сделана помета рукой И. А. Шляпкина: «...запись Бартъ, слушат. В. Ж. К. в СПб., около 1886 г. (изъ

бумагъ О. Ф. Миллера)», благодаря которой узнаем, что данная рукопись принадлежала профессору Оресту Федоровичу Миллеру, ученому-филологу и педагогу, много лет отдавшему воспитанию молодежи [Шляпкин 1889].

Преподавал О. Ф. Миллер в разных местах, в том числе и на Высших женских курсах в Санкт-Петербурге. Именно эта аббревиатура указана в тетради. Собирателем записей является слушательница Высших женских курсов Надежда Николаевна Барт, в замужестве Татлина, мать известного художника Владимира Евграфовича Татлина.

Имя Надежды Николаевны было известно в поэтических кругах того времени, ее стихи публиковались в журналах. Кроме того, упоминается Барт и в написанном 11 января 1880 г. письме Ф. М. Достоевскому от некой курсистки (А. Н. Курносовой) [Алексеева 2014]. Согласно «Памятной книжке окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах», Надежда Николаевна завершила обучение в 1883 г. [Памятная книжка, 9]. Вероятно, вскоре вышла замуж, так как уже в 1885 г. в Москве⁴ родила первенца — будущего художника. Всего в семье было трое детей [Терехович 2010]. И. А. Шляпкин пишет, что запись сделана около 1886 г., но, по всей видимости, Барт собирала фольклор несколько раньше. На Высших женских курсах она обучалась с 1879 по 1883 г. Возникает вопрос: каким образом Надежда Николаевна оказалась в Петрозаводске? Ответ на него еще предстоит найти, поскольку информации о судьбе Н. Н. Барт крайне мало.

Еще несколько важных задач возникает в связи с изучением записей, оставленных Н. Н. Барт в рукописи, а именно с поисками в архивных источниках персоналий, упомянутых в паспортах информантов, поскольку на данный момент эти исполнители не значатся в известных фольклористам перечнях.

Былина «Королевици из Крякова» записана от Марьи Захарьевны Калининой, уроженки Ялгубы, проживавшей

² Благодаря А. Б. Ипполитову за указание этого источника, а также сотрудников библиотеки Саратовского государственного университета за помощь в работе с рукописью.

³ Исключение составляет экспедиция 1886 г. О. М. Истомина и Г. О. Дютша, но маршрут ее не пролегал через Ужесельгу, кроме того, собирателей интересовал преимущественно песенный материал.

⁴ По другим сведениям в Харькове.

в деревне Ужесельга Петрозаводского уезда. Как отмечает Н. Н. Барт на л. 2 тетради, «...это женщина лет 55, веселая, словоохотливая и довольно зажиточная. Она знает только одну былину, которой выучилась будучи 16-тилетней девочкой от Михайлы Васильева, деревни Тюрмины (тоже в Заонежье)». Об исполнителе Михайле Васильеве известно, что во время, когда Барт записывала Калинину, он уже был «давно умершим», при жизни «занимался крестьянством, а по зимам ходил портняжничать в соседняя деревни».

Вторую былину «Ставёр Гудинович» Н. Н. Барт записала от Матрены Архиповны Калининой, невестки Марьи Захарьевны, также уроженки Ялгубы, проживавшей в Ужесельге. О ней собиратель на л. 5 об. пишет следующее: «Матрене Калининой около 50 лет, но голос у нея приятный и свежий, а симпатичное, подвижное лице с выразительными глазами придает особую прелесть ея пению». Пению былин Матрена Архиповна научилась в детстве у Михайла Ефимовича из деревни Тюрминой, который по зимам портняжничал, из чего Н. Н. Барт делает вывод, что это тот же исполнитель, от которого училась Марья Захарьевна. Следовательно, обе былины имеют заонежское происхождение, исполнителем их был Михаил Ефимович Васильев, житель деревни Тюрминой, известной также как Янгора или Ялгора [Олонецкая губерния, 1879].

Третья былина «Добрыня Микитич» записана от уроженки Деревянного Минодоры Федоровой, возможно, там же в Ужесельге. Об этой исполнительнице на л. 7 тетради сказано, что ей «от роду больше 50 лет, бедная и на первый взгляд забитая. Голос и память у Минодоры не особенно тверды».

Аналізу былин будет посвящена отдельная наша статья, сейчас хотелось бы остановиться на записях сказок. Сведений об исполнителе, к сожалению, очень мало. Н. Н. Барт лишь указывает на л. 9 об., что сказки были рассказаны «слепым стариком Аксёном Александровым Лябишным». Можно предположить, что запись была сделана там же в Ужесельге. Обращает на себя внимание необычная фамилия информанта, скорее всего, возникшая из прозвища. Лябих означает «лентяй, лежебока» [СРНГ 1981, 251]. Всего от Аксёна Лябишного записано пять

сказок, четыре из которых можно отнести к волшебным, последнюю — к новеллистическим: «Сказка про Фалелея Фалелеича», «Сказка про тридевять сыновей», «Сказка про поповы проказы», «Сказка про названого батюшку», «Бывальщина». Сам ли Лябишный озаглавил сказки, либо это наименования, данные Н. Н. Барт, — вопрос открытый. Представим кратко сюжеты сказок.

1. «Сказка про Фалелея Фалелеича» относится к волшебным, в ней повествуется о старике-богатыре, научившем царя и царицу молиться Богу о даровании сына. После рождения ребенка Фалелей Фалелеич становится воспитателем в царской семье и опекает Ивана-царевича до его взрослой жизни. Они гуляют в зеленом саду, где юноша произносит три желания: получить девицу, чарку вина и коня. Фалелей предвидит, что эти желания станут испытанием прежде всего для него. В 12 лет царевич решает жениться и отправляется с воспитателем и сенаторами в змеиное царство Додона. В текст вплетается змеборческий мотив: Фалелей дважды борется в пути с богатыршей и двухглавой змеей. После старик-богатырь заменил царевича на прогулке с дочерьми Додона, выпил чарку водки, а также стерпел их удары. Додон дает задание обездить жеребца девяти годов, которое снова выполняет воспитатель Ивана. После всех испытаний сыграли свадьбу царевича со старшей богатыршей, дочерью Додона. Фалелей усмиряет ее в чулане в брачную ночь, после чего все отправляются к родителям Ивана-царевича. По дороге Фалелея напоили водкой, и он заснул богатырским сном, во время которого жена Ивана отрубила ему руки. Составной частью этой сказки является вариант сюжета СУС 519 («Слепой и безногий»). Фалелей остался без рук и встретил старика без ног, с которыми вместе направился к злодей-женщине, стерегущей живую и мертвую воду. После сражения с ней оба странника исцеляются, набирают богатства, освобождают девушку-кухарку, и Фалелей отправляется домой. Дочь Додона поработила все царство: царь и царица ей прислуживают, а Иван-царевич пасет скот. Фалелей расправляется с богатыршей и убивает ее, после чего дает Ивану совет жениться на купеческой дочери, сам же отправляется молиться по монастырям. После того

как Иван нашел невесту, богатырь Фалелей возвращается на свадьбу.

2. «Сказка про тридевять сыновей» представляет собой контаминацию вариантов известных сюжетов: СУС 706 («Безручка»), СУС 707 («Чудесные дети»), СУС-883А*** («Оклеветанная золовка»). Порядок следования их следующий:

У мужичка была девица-сестра, жена и 12-летний сын. За то, что сын хотел рассказать отцу об измене матери, та его зарезала, а вину возложила на золовку. Девушке отрубили ноги (не руки!) и оставили в лесу нагой умирать, но мимо проезжал царевич, который увидел ее и влюбился. Девушка попросила взять ее замуж и пообещала родить ему *«тридевять сыновей в трех брюхах»*, *«по локоть руки в золоте, по косицам часты звезды»*. У царевича была возлюбленная – дочь Бабы-Яги, но он женился на найденныше и стал ждать обещанных сыновей. Каждый раз, когда жена должна была родить, помогать ей приходила Баба-Яга, подменявшая детей на щенят и котят. Только в последний раз девушке удалось спрятать одного сына. Царевич разозлился на жену, заточил ее в бочку и сбросил в воду. Мать и сын оказались в лесу, где построили себе дом, а позже нашлись и прочие сыновья. Дети велели матери вывалиться в росе, после чего у нее вновь отросли ноги. Проезжавшие мимо лесного дома старички рассказали Ивану царевичу о чудесном семействе, в котором тот признал свою жену и детей. Царевич просит прощения у жены, казнит Бабу-Ягу и ее дочь, и семья воссоединяется.

3. Еще одной контаминацией сюжетов является «Сказка про поповы проказы». Здесь сочетаются СУС 709 («Волшебное зеркальце» и «Спящая царевна») и СУС 883А («Оклеветанная девушка»). Коротко представим последовательность событий в сказке. У купца умерла жена, оставив ему дочь и сына. Вместе с сыном он отправляется торговать, а за дочерью попросил присматривать попа, который начал приставать к девушке. Она пристыдила священнослужителя, за что он оклеветал ее в письме купцу. Отец отправил сына убить дочь и привезти ее печень в доказательство выполненного поручения, но тому стало жалко проливать родную кровь, и он убил собачку, а сестру отпустил в лес. Девушка набрела на дом, где

нашла для себя новую семью в лице трех молодцев. Поп узнал, что девица жива и нанял Бабу-Ягу для отмщения. Старуха явилась в виде странницы в лесной дом, пообедала и подарила юной хозяйке заколдованное кольцо, от которого та упала замертво. Братья-молодцы сокрушались о ее смерти и поставили высокую каланчу, на которую водрузили гроб с телом сестры, а сами, не вынеся страданий, сбросились вниз и разбились. Через некоторое время мимо проезжал царевич, который, увидев красоту девицы в гробу, решил увезти ее тело в свои покои. Вскоре во дворце стали замечать странное поведение царевича, подолгу не выходящего из комнаты. Слуги увидели, как он смотрит на девушку и целует ее в глаза и губы. Царице такое поведение сына не понравилось, и, когда он был на охоте, она велела захоронить девицу, но прежде попросила снять с ее пальца перстень. Как только кольцо сняли, девица ожила, и в это время прибыл с охоты и царевич. Тут же сыграли свадьбу, а затем поехали к купцу на бал для того, чтобы проучить попа. В доме у родного отца девушка рассказала свою историю. Отец покаялся и на радостях был прощен, а поп был сослан.

4. В «Сказке про названого батюшку» наблюдается соединение сюжета СУС 307 («Девушка, встающая из гроба»), СУС 507 («Помощник (мертвец), помогающий жениться на встающей из гроба девице»), СУС 400₂ («Царь-девица, которую усыпленный герой находит и возвращает себе») и СУС 974 («Муж на свадьбе у жены»). Последовательность событий в сказке следующая:

Умер купец, оставив вдову с сыном. Страдая от нищеты, мать отправляет сына на поиски нового отца, и по дороге на третий день тот встречает старичка, который и становится названным батюшкой. Старец велит сыну попросить у богатого дяди хоть один корабль. Дядя отдает самое ветхое судно, на которое юноша и старик грузят песок. После этого совершается чудо, и песок превращается в соль, которая на тот момент была в дефиците. В скором времени и дядя, и племянник прибыли в царство, где у царя была дочь-невидимка, лежащая в церкви в гробе и каждый день поедающая людей. Трижды жребий идти в церковь выпадает дяде, трижды племянник идет вместо него в обмен на корабли с товаром.

Старичок обучает юношу, как нужно себя вести ночью в церкви, и тот берет с собой свечи и петуха, а в последнюю ночь — гусли. Каждое утро царь награждает юношу за стойкость из своей казны, на третье же утро обнаруживает свою дочь, пляшущую под гусли, после чего предлагает молодым пожениться. После свадьбы старичок разрубает тело девицы, собирает его вновь, выгнав из нее всю нечисть, и молодые отправляются на родину юноши. Старичок едет вперед и наказывает ничего не есть по пути в доме у крестной матери молодого человека, но по случайности тот все же вкушает яблоко и засыпает крепким сном, во время которого его жену увозят обратно к отцу. Старичок велит брать гусли и ехать за ней, так как отец отдает девушку замуж за другого человека. Прибыв на свадьбу, юноша играет на гусях, благодаря чему жена его узнает и объявляет истинным своим мужем. Молодые едут на родину юноши и просят старичка с ними остаться, но тот не может, потому что он Господь Бог.

5. Последнюю сказку «Бывальщина» можно отнести к новеллистической, здесь основным является сюжет СУС 952 («Солдат и царь»). Солдат-пьяница должен быть наказан ротным, но сбегает в лес, где встречает царя. Вместе они плутают, попадают в дом к разбойникам: отцу с сыном и двум дочерям — слепой и зрячей. Солдат убивает сначала мужчин, затем и женщин, берет сколько необходимо денег и возвращается в город. Царь приглашает солдата к себе на прием и сообщает, что отныне делает его ротным.

Таковы краткие пересказы сюжетов. Необходимо отметить ряд особенностей сказок Аксёна Лябишного: языковых, стилистических, исполнительских, образительно-выразительных, предметных и географических.

Н. Н. Барт постаралась сохранить индивидуальный стиль исполнения сказок. Тексты насыщены диалектизмами, что подчеркивает местный колорит повествования и помогает составить языковой портрет информанта. Вот лишь некоторые слова, которые нуждаются в толковании для современного человека. Все они северного происхождения, но не все из них отражены в «Словаре русских народных говоров». Встречаются среди них заимствования.

Досюль — в прошлом, в прежнее время, до сих пор, до сего времени [СРНГ 1972, 153] («Досюль был, видишь, мужичок, с хозяйкой жил»).

Корба — густо заросшее место в лесу, часто в ельнике на болоте, берег реки или край болотистого места [СРНГ 1978, 311] («И сволокло их в такую корбу, в лес дремучий»). Это слово заимствовано в русские говоры, оно имеет прибалтийско-финское происхождение и находит отражение в топонимии (Корбозеро, Корбинская нива и др.) [Муллонен 2008, 27].

Крыльца — лестничные ступени, ведущие из сеней в хлев (ступени крыльца) [СРНГ 1979, 346] («Фалелей Фалелеич взял саблю и пошел на крыльца»).

Курик — дубина, палка, полено, деревянный молот, клин из полена [СРНГ 1980, 125] («Взял — хлоп ёну куриком в лоб, разом покончил, тут ю и закопали»).

Ледина — холодная погода, глыба, пласт и др. [СРНГ 1980, 321]. Ни одно из значений в словаре не раскрывает полностью смысла этого слова в сказке. В таких случаях необходимо привлекать контекст. Здесь ледина может быть скалой в лесу либо просто густым лесом, поляной в лесу («Брат завез ее в ледину и хочет зарезать. Она и говорит: “Спусти меня, братец, шататься по лесу, может, я и сама кончусь”»).

Онучи — тряпки, портянки, лоскуты [СРНГ 1987, 227] («Завертел себе руки онучами»).

Плѣха — беспутная женщина, развратница, бранное обращение к женщине [СРНГ 1992, 133] («Давай, плѣха, обедать»).

Пошишкивать — в такой форме слово не отражено, в словаре находим родственное ему «пошишкать» — поколотить, побить [СРНГ 1997, 35] («Стали этта они друг друга пошишкивать»).

Соколуха — значение в «Словаре русских народных говоров» отсутствует, возможно, производное от «сокол» — большой железный лом [СРНГ 2005, 242], суффикс -ух- многозначный, в представленном контексте может означать доминирование с дополнительной отрицательной коннотацией («А невестка у царя вот така соколуха была: царя повернула в работники, царицу в смотрительницы, а Ивана-царевича в пастухи»).

Таким образом, даже краткий обзор диалектной лексики показывает, насколько богат язык Аксёна Лябишного, — это живой язык XIX в., бытовавший в Петро-заводском уезде.

Музыкальность и ритмичность речи достигаются путем трехкратных повторов (герои трижды ходят в сад, три испытания перед женитьбой, три ночи в церкви и т. п.), использованием особых форм слов (ёй, нёй, ёна, ю, за ими, своёй, ймут, гля, гляй, выстать, вишь, хошь, ляжь, вётхой, повестинка, вместях), частиц (-ка, -от, -то, -ка, -ва, -ни, уж, этта, ишь, небось и др.), фонетическими особенностями некоторых лексем (исть, в каждой, хрещеной, колмата, фатерка, куфарка, одёжа).

Находим в текстах сказок и отражение обрядов и поверий. Например, в «Сказке про тридевять сыновей» юноши дают следующую совет безногой матери: «*Так вели ей три утра по росе кататься, у ей ноги выростут*». Здесь отражено представление о магической, целебной силе росы, способной вернуть здоровье и даже сотворить чудо. Как отмечает А. Г. Бобров, «...роса, использовавшаяся в лечебных целях, отождествлялась, очевидно, с “живой водой” русских былин и волшебных сказок» [Бобров 2002, 48]. Тем примечательно, что Лябишный в волшебной сказке обращается к магическим свойствам росы, хотя в другом повествовании богатырь Фалелей исцеляется живой водой. Тем самым достигается несвойственный сказке эффект установки на достоверность, ведь слушатель XIX в. знал о силе утренней росы. На самом деле сказитель здесь не оригинален. Согласно наблюдениям В. Е. Добровольской, роса в сказке имеет ряд функций: возвращает зрение (молодость), с ее помощью вырастают (прирастают) отрубленные части тела (выколотые глаза), изменяется (улучшается) облик героя (коня) [Добровольская 2009, 28, 48–50]. Подобное использование росы встречается в вариантах СУС 519 («Слепой и безногий», как раз сюжет о Фалелее), СУС 613 («Правда и кривда») и СУС 650С* («Об Илье Муромце», где конь обретает силу, катаясь три утра по росе). В сюжете СУС 706 («Безручка») вода исцеляет отрубленные руки матери, когда в нее падает младенец, которого необходимо спасти. В сказке Лябишного соединены, как было сказано выше, три

сюжета, в таком варианте использование росы для приращения отрубленных членов зафиксировано не было.

В «Сказке про поповы проказы» в эпизоде, когда Баба-Яга не может войти в дом, находим представление о защитной силе креста: «*Вишь, если хрещеный ворота затворил, так нечистый дух не может войти*». Некрещеных в то время найти было сложно, христиане носили нательные кресты и верили в их защитные свойства. Как отмечает О. В. Белова, «значение креста как оберега тесно связано с символикой закрещивания — нанесения знака креста на различные предметы или его символического изображения». Христиане осеяли себя или объект крестным знаменем многократно в течение дня, изображали крест мелом, свечой, чесноком, кровью ягненка, тестом, дегтем на предметах быта, хозяйственных постройках, воротах [Белова 1995, 653–654]. Понятно, почему в сказке Баба-Яга, представительница нечистой силы, не может войти в незапертые ворота: ее не пускает враждебная для нее сила креста. До сих пор это представление живо: люди освящают квартиры, покупают в церкви наклейки с изображением крестика-оберега и приклеивают над дверями дома, выжигают кресты свечой, рисуют освященным маслом, некоторые верующие осеяют крестом все вокруг себя, включая свой рот во время зевка, чтобы нечистый не проник внутрь.

Магия похоронного обряда также нашла отражение в «Сказке про поповы проказы». Когда царица решила похоронить «мертвую» девицу, она увидела на ее пальце кольцо и произнесла: «*Сымите перстень, с перстнем не хоронят*». Кольцо (перстень) являлось не только украшением, но и оберегом от нечистой силы. В некоторых местах разрешалось хоронить с кольцом, так как верили, что кольцо поможет найти дорогу на тот свет, в других — строго-настрого запрещалось. Это поверье также известно современному человеку. Считается, что ни в коем случае нельзя хоронить покойника с кольцом, особенно обручальным, тем более если еще жив второй супруг, поскольку это ускорит его смерть. Использовали кольцо и во вредоносной магии [Валенцова 1995, 563–564]. В сказке есть этот мотив

вредительства, ведь кольцо на пальце девушки заколдовано Бабай-Ягой.

Как видим, Аксён Лябишный насыщает текст различными элементами, делающими сказку более близкой слушателю. Вспоминает он и об историческом прошлом, о строгих законах, царивших когда-то давно. В «Сказке про тридевять сыновей» оклеветанную девушку выводят на суд: *«И собралась вся деревня девку судить. Прежде вишь судьба какая была: взяли ей ноги отрубили, промежь две еловатья деревины склали, догола раздели и оставили»*. Такой антигуманный суд не по нраву сказочнику, и, видимо, для контраста с современностью он поэтично описал процесс пытки.

Несколько слов необходимо сказать и о пространстве сказок Лябишного. Волшебные сказки построены на мотиве путешествия героя, преодоления трудностей в пути; пространство, в котором перемещается герой, как правило, неопределенно (некоторое царство, не наше государство, за тридевять земель). Для Аксёна Лябишного сказочное действие локально привязано к знакомой ему географии и ландшафту. В «Сказке про тридевять сыновей» царевич велит утопить щенков и котят в известных источниках: *«Пуццой ёна бросит их в Онего, в Неву»*. В северные воды бросают и замурованных в бочке безногую мать и младенца-сына. По каким рекам носит бочку, пока ребенок растет, неясно, однако прибило ее к корбе — берегу или болоту в дремучем лесу. Не к экзотическому острову, а к родному пространству леса. Далее из сказки можно понять, где вообще происходит все действие. Так, царевич просит жену и детей вернуться к нему, а затем едет с ними в Петербург к родителям: *«А как приехали в город, так в Питер царевич запоежал, нужно детей царю позакатать»*. В Петербурге и обособилось семейство до конца своих дней. Выражение *«приехали в город»* здесь выступает как вектор, направленный в центр. Такая направленность характерна для жителей городских окраин или близлежащих деревень⁵. В данном случае выражение *«приехали в город»* означает возвращение

из леса. Где же находится этот центр? Безусловно, сказочное пространство всегда условно, но, учитывая особенность Лябишного возвращать внимание слушателя в настоящий момент, можно предположить, что неназванным городом является Петрозаводск, близ которого находится родная для Аксёна Александрова деревня Ужесельга.

В «Сказке про поповы проказы» разоблаченного в преступлениях священника отправляют на Соловки: *«А попа в Соловецкой увезли»*. Соловки как место заточения стали использовать с XVI в., когда в 1554 г. сюда был сослан идеолог нестяжателей игумен Артемий, настоятель Троице-Сергиева монастыря. Затем в соловецкую тюрьму стали отправлять и политических ссыльных. В XIX в. здесь была поставлена новая тюрьма, надстраивавшаяся на протяжении всего столетия. Наказание отбывали люди разных сословий и возрастов, даже дети за какие-то шалости. Монахов и священников же отправляли сюда за любую вопиющую провинность: пьянство, блуд, ересь, нераскаяние и др. В 1886 г. были выведены охранные войска, а в 1903 г. закрыли и саму тюрьму, правда, ненадолго [Ершов 2008, 110–119]. Таким образом, Аксён Лябишный назначает герою своей сказки суровое наказание, отправляя его на Соловки. И снова мы видим пример того, как мир волшебной сказки переплетается с миром суровой реальности.

Кроме географической привязки сказочник умело вплетает в повествование и современный предметный мир. Так, не только в новеллистической, но и в волшебных сказках герои пьют водку, а не «зелено вино» или «мед с пивом»: *«Вымахнула этта большая дочи и вынула рюмочку, налила водки и подает: “Буде можешь выпить, так поиду за тебя”»* («Сказка про Фалелея Фалелеича»), *«А сыновья говорят отцу: “Смотри, за нами поедешь, так чтобы по дороге водки да закуски стояли, чтобы, значит, весь народ радовался”»* («Сказка про тридевять сыновей»). Солдат из «Бывальщины» — тот и вовсе беспробудный пьяница: напивается в трактире, ворует фляжку с водкой

⁵ Ср. выражение «поехать в город», «идти в город» современных петрозаводчан, живущих в расширенном центре, в отдаленных районах, или жителей Ужесельги. Городские жители используют также выражение «поехать (пойти) в центр».

у царя, в конце концов получив повышение, пьет вместе с царем. Во многих фольклорных текстах мед и пиво текут рекой; древнерусская книжность также сохранила большое количество сочинений против пьянства⁶. Считается, что водка появилась на Руси не ранее XVI в., а затем с появлением кабаков и введением монополии на алкоголь процент потребления крепких напитков возрастает [Прыжов 1914, 44]. Так, в XVII в. писатель Юрий Крижанич рисует неприглядную картину: «Что сказать о нашем пьянстве? Да если бы ты, Борис, весь широкий свет кругом обошел, нигде бы не нашел такого мерзкого, гнусного и страшного пьянства, как здесь на Руси» [Крижанич 1997, 191]. Для XIX в. характерно усиление борьбы с пьянством, основание Обществ трезвости, публикации сочинений-проповедей против пьянства, пропаганда здорового образа жизни. Только вот справиться с этой бедой было непросто. Д.Г. Булгаковский рисует страшную картину социального дна на заре XX в.: «Пройдитесь по любой деревне или селу в так называемый престольный праздник, и невольно сожмется сердце от того, что придется увидеть. На улицах все пьяны: мужики, бабы, подростки» [Булгаковский 1915, 3]. Кроме водки, появляются в «Бывальщине» и папиросы: «А царь в ответ: *“На тебе папирос, кури да караул”*». Табак также был завезен в Россию в XVI в., и также развернулась широкомасштабная, но безуспешная борьба с курильщиками в виде ужесточения законов против курения, проповедей, сочинений против табака⁷. Кроме этого, можно заметить, что герои сказок Лябишного ходят в сенат, на бал, в трактир, пользуются ружьем,

пистолетом и саблей. Сказки Лябишного отражают действительность конца XIX в. такой, какой ее знает сказочник.

Все перечисленные выше особенности позволяют составить портрет сказителя, но достаточно сложно представить саму манеру исполнения: какие Лябишный использовал жесты, интонацию, темп речи, силу и высоту голоса. Рукопись, к сожалению, не передает этой информации. Однако увидеть элементы театрализации, понять эмоциональный фон исполнения все-таки возможно. Достаточно обратить внимание на реплики персонажей: каждый из них, как это и бывает в сказке, говорит на «своем» языке, соответствующем их возрасту, социальному статусу, культуре, воспитанию. Например, речь ребенка-подростка характеризуется использованием уменьшительно-ласкательной лексики по отношению к родителям, уважительной интонации: «*Спустите меня, татенька, в зеленый сад погулять*» («Сказка про Фалелея Фалелеича»), «*Маменька, я вытяну ноги, так дно выскочит*» («Сказка про тридцать сыночек»), «*Я у татеньки спрошу*» («Сказка про названного батюшку»). Или благочестивый старец («Господь Бог») выражается учтиво, заботливо, по-отечески ласково: «*Ну будь по-твоему, только, сынок, чем же мы с тобой промышлять-то станем?*», «*Ну, сын, будет нам с тобой тут проживаться, поедем в свое царство*» («Сказка про названного батюшку»). Характеры Иванов-царевичей в сказках разные. В «Сказке про Фалелея Фалелеича» царевич труслив, он всего боится, особенно своей жены, и в его репликах это постоянно подчеркивается: «*Што жь ты хвастал, так поди гуляй*». «*Да я, — говорит, — боюсь*»;

⁶ Это такие тексты, как «Слово о Хмеле»; рассказ о том, как инок, собирая смоквы, услышал голос Хмеля, вещающего о своей власти над людьми; чудесная история о том, как бес принес с Аравитских гор хмель и научил человека варить самогон; размышление о том, сколько чаш вина можно выпить и что случится с человеком после каждой выпитой чаши; размышление о вреде пьянства для всех сословий; поучение всем православным христианам, «еже не упиватися»; три видения некоего старца: красной девицы, козы и пса, символизирующие состояние человека, выпившего одну, две и три чаши вина; явление Богородицы Василию Великому с целью передать людям завет не вкушать ни капли вина; беседа святых отцов со Христом о пьянстве; о растении хмель и пьянстве в последние времена; сатирические сочинения, такие, как Разговор пьющего с непьющим, песня о хмеле «Хмелюшка по выходам гуляет...» и др.

⁷ Например, выписки из Уложения Алексея Михайловича о наказании за курение; сказание о происхождении табака из тела блудницы; сказание от святых отцов, где говорится, что нос не создан для курения и что на том свете «проклятой табак потечет из ноздрей его (курильщика. — М. Б.), аки у пса»; слова о проклятом табаке, где говорится, что сатана стонал в аду, завидя Христу, тогда Ад надоумил посеять табак, чтобы наполнить свою утробу грешниками; сборники, где подобраны статьи разного характера: назидательные, легендарные, исторические, медицинского содержания и пр.

«Што, — говорит, — делать, так у жены приказано». Иван-царевич из «Сказки про тридцать сыновей» обладает решительным горячим нравом, сначала делает — потом думает: «А самую в бочку посадите и в воду бросьте, пуцай болтается, коли не въсправу сделала». Царевич из «Сказки про поповы проказы» меланхоличный, но пытается проявить характер, когда открывают его комнату: «Схватил саблю и говорит: “Хто у меня этта отворял?”» Мать же его, напротив, обладает властным, уверенным характером: «А царица говорит: “Смотри, дурак, не заколись, поди ты, мы ю живую сделали”». Герои преступного мира используют обценную лексику. Сестры-разбойницы из «Бывальщины» выражаются достаточно грубо («А девицы говорят: “Не рычите, у нас гости!”»), как и злодей-женщина («Пришла, села за стол: “Давай, плёха, обедать”. Пошла, свалилась на лавку: “Ищи, — говорит, — в голове” да кряду и захрапела») и злая жена-богатырша («Ах ты, сукин сын, ты еще и не падаешь») из «Сказки про Фалелея Фалелеича». Разбойникам не чуждо крепкое словцо («Буде идти себи, кой черт замешкались!»; «Е, е. м., ничего сегодня не попало»; «Е! е. их м., поди сын, зарежь их!»). Бранится и солдат, и царь, только для солдата это защитная реакция на критическую ситуацию — угрозу жизни («Е, е. м., теперь и нам смерть будет, вставай, барин!»), а у царя — отеческое, доброе слово по отношению к провинившемуся солдату («Ах

ты, — говорит, — сукин сын, я тебя угостить хотел, а ты ужь сам угостился»). Безусловно, сказки и должны рассказываться эмоционально, и здесь Лябишный не выходит за рамки традиции. Индивидуальность заключается в выборе языковых средств, лексического состава речи персонажей, основанном на собственном культурном опыте. Не чужда сказочнику и рефлексия, когда в повествовании появляется его комментарий. Так, порой развивая сюжет, Аксён Лябишный вдруг напоминает о себе и своем недуге: «Там две девицы сидят: одна слепая, как я грешный, а другая зрячая» («Бывальщина»); «Ему сейчас стул поддернули, вот как мне, слепому человеку» («Сказка про названого батюшку»). Или же дает свою оценку действиям героя: «Так вот он поп-то какой разбойник был, загубил было девку» («Сказка про поповы проказы»).

В последнее время в кругах фольклористов то и дело звучит сожаление по поводу снижения интереса к изучению классических фольклорных жанров, в том числе и сказки. В живом бытовании сказку теперь встретишь нечасто [Добровольская 2011, 7]. Но сколько еще экспедиционных материалов ждут своих исследователей! Изучение рукописных источников позволяет открывать новые страницы фольклористики, как, например, саратовская рукопись из коллекции И. А. Шляпкина открыла историю одной небольшой экспедиции начала 1880-х гг. в Петрозаводский уезд Олонецкой губернии.

Литература

- Алексеева 2014 — Алексеева Л. В. Анонимные письма в архиве Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2014. № 1–2. С. 51–65.
- Белова 1995 — Белова О. В. Крест // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 2: Д — К (Крошки). М., 1995. С. 651–658.
- Бобров 2002 — Бобров А. Г. «Катание по росе» как языческое таинство // Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве. В честь Н. М. Герасимовой. СПб., 2002. С. 45–59.
- Булгаковский 1915 — Булгаковский Д. Г. Правда о хмеле. П., 1915.
- Валенцова 1995 — Валенцова М. М. Кольцо // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 2: Д — К (Крошки). М., 1995. С. 563–566.
- Востриков, Лейбова, Лейбов 1995 — Востриков А. В., Лейбова А. В., Лейбов К. Г. Биб-

лиотека Бестужевских курсов: книжное собрание И. А. Шляпкина // Невский Архив: Ист.-краевед. сб. / Сост. А. И. Добкин, А. В. Кобак. Вып. II. М.; СПб., 1995. С. 398–413.

Добровольская 2011 — Добровольская В. Е. Жанр, который забыли? (Сказковедение в постсоветский период) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 14: Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период. М., 2011. С. 7–20.

Добровольская 2009 — Добровольская В. Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М., 2009.

Ершов 2008 — Ершов В. П. Монастырская ссылка в Карелии // Православие в Карелии: Матер. III рег. науч. конф., посвященной 780-летию крещения карелов / Отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск, 2008. С. 110–119.

- Ипполитова 2017 — *Ипполитова А. Б.* Рукописный сборник 1770-х гг. П. Н. Рыбникова из собрания Зональной научной библиотеки Саратовского университета // *Фольклор Большой Волги: Сб. науч. ст. / Сост. В. Е. Добровольская, И. В. Дынникова, А. Б. Ипполитова, М. В. Строганов. М., 2017. С. 284–309.*
- Крижанич 1997 — *Крижанич Ю.* Политика / Подг. к печ. В. В. Зеленин. М., 1997.
- Муллонен 2008 — *Муллонен И. И.* Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008.
- Олонецкая губерния 1873 — Олонецкая губерния: Список населенных мест по сведениям 1873 года. СПб., 1879.
- Памятная книжка 1903 — *Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах. 1882–1889 гг., 1893–1903 гг. / Сост. Н. А. Ветвеницкая. СПб., 1903.*
- Перетц 1962 — *Перетц В. Н.* Описание собрания рукописей профессора И. А. Шляпкина // *Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 395–491.*
- Пигин 2016 — *Пигин А. В.* Просительное послание старообрядцев Шелтопоорогского скита о милостыне // *Финно-угорская мозаика: Сб. ст. к юбилею Ирмы Ивановны Муллонен / Отв. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск, 2016. С. 308–314.*
- Прыжов 1914 — *Прыжов И. Г.* История кабаков в России. Б. м., Б. г. [1914].
- СРНГ 1972 — *Словарь русских народных говоров. Вып. 8 / Гл. ред. Ф. П. Филин. Л., 1972.*
- СРНГ 1978 — *Словарь русских народных говоров. Вып. 14 / Гл. ред. Ф. П. Филин. Л., 1978.*
- СРНГ 1979 — *Словарь русских народных говоров. Вып. 15 / Гл. ред. Ф. П. Филин. Л., 1979.*
- СРНГ 1980 — *Словарь русских народных говоров. Вып. 16 / Гл. ред. Ф. П. Филин. Л., 1980.*
- СРНГ 1981 — *Словарь русских народных говоров. Вып. 17 / Гл. ред. Ф. П. Филин. Л., 1981.*
- СРНГ 1987 — *Словарь русских народных говоров. Вып. 23 / Гл. ред. Ф. П. Филин. Л., 1987.*
- СРНГ 1992 — *Словарь русских народных говоров. Вып. 27 / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб., 1992.*
- СРНГ 1997 — *Словарь русских народных говоров. Вып. 31 / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб., 1997.*
- СРНГ 2005 — *Словарь русских народных говоров. Вып. 39 / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб., 2005.*
- СУС — *Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.*
- Терехович 2010 — *Терехович М. Л.* Тайновидец из отряда солнцеловов. К 125-летию со дня рождения В. Е. Татлина // *Архитектура, строительство, дизайн. 2010. № 04 (61). 22.03.17. URL: <http://www.archjournal.ru/rus/04612010/tainovidec.htm> (дата обращения: 22.03.2017).*
- Шляпкин 1889 — *Шляпкин И. А.* Очерк научной деятельности профессора О. Ф. Миллера: С приложением описания празднования 25-летнего юбилея / Сост. И. Ш[ляпкин]. СПб., 1889.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии Петрозаводского государственного университета: Российская Федерация, Республика Карелия, 185910, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, д. 33; тел.: +7 (814-2) 71-10-50; e-mail: mg-babalyk@ya.ru

AKSEN LYABISHNYY'S FOLK-TALES WITHIN I. A. SHLYAPKIN'S COLLECTION FROM THE MANUSCRIPT WITH FOLKLORE RECORDINGS FROM OLONETS TERRITORY

MARINA BABALYK

(Philology Institute, Petrozavodsk State University: 33, Lenina av., Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation)

Summary. *The well-known I. A. Shlyapkin's manuscript collection, preserved in Saratov, has included a folklore record, done by N. N. Bart — O. F. Miller's female student, also a listener of the Higher education courses for women in St. Petersburg. It was recorded near Petrozavodsk in Uzhesel'ga village in the in the early 1880s. The young lady's name was unknown among the folklorists, but I. A. Shlyapkin witnessed the collector's activity in his notes. Recordings of N. N. Bart are of great interest for folklore studies because they contain valuable information about oral appearance of fairy tales in the locality from where no recordings had been collected before. This paper introduces into scholarly circulation new names of folklore performers, whose repertoire had not been published previously, while including such valuable genres as bylina epics, totally 3 items, as well as 5 items of fairy tales. Special attention is paid to the analysis of fairy tales, performed by Aksen Aleksandrovich Lyabishnyy.*

Key words: *I. A. Shlyapkin's collection, folklore of Karelia, bylina epics, fairy-tales, performer Aksen Lyabishnyy.*

Acknowledgements. *This paper is financially supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research, project, No. 15-04-00207 "Manuscript compositions about "obscene words", vogue, tobacco and wine bibation in Russian literature of the 17th – 20th centuries".*

References

Alekseeva L. V. (2014) Anonimnye pis'ma v arkhive Dostoevskogo [Anonymous letters in the archive of Dostoevskiy]. *Neizvestnyy Dostoevskiy* [Unknown Dostoevskiy]. 2014. No. 1–2. Pp. 51–65. In Russian.

Barag L. G., Berezovskiy I. P., Kabashnikov K. P., Novikov N. V. (comp.) (1979) *Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov: Vostochnoslavyanskaya skazka* [Comparative plot index: East-Slavic folk-tale]. Leningrad. In Russian.

Belova O. V. (1995) Krest [Cross]. *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethno-linguistic Dictionary]. In 5 vol. Vol. 2. Moscow. Pp. 651–658. In Russian.

Bobrov A. G. (2002) "Katanie po rose" kak yazycheskoe tainstvo [Wallowing on mildew as a pagan mystery]. *Traditsionnye modeli v fol'klоре, literature, iskusstve. V chest' N. M. Gerasimovoy* [Traditional models in folklore, literature, arts. In honor of N. M. Gerasimova]. St. Petersburg. Pp. 45–59. In Russian.

Bulgakovskiy D. G. (1915) *Pravda o khmele* [Truth about hop]. Petrograd. In Russian.

Dobrovol'skaya V. E. (2009) *Predmetnye realii russkoy volshebnoy skazki*. [Thingish realia of Russian fairy-tales]. Moscow. In Russian.

Dobrovol'skaya V. E. (2011) Zhanr, kotoryy zabyli? (Skazkovedenie v postsovetskiy period) [Is this genre forgotten? Studies on folk-tales during the Post-Soviet period]. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir*. Issue 14: Kompleksnye issledovaniya traditsionnoy kul'tury v postsovetskiy period [Complex studies on traditional culture during the Post-Soviet period]. Moscow. Pp. 7–20. In Russian.

Ershov V. P. (2008) *Monastyrskaya ssylka v Karelii* [Monastery exile to Karelia]. *Pravoslavie v Karelii* [Orthodoxy in Karelia]. Proceedings of the 3rd reg. sch. conf., dedicated to the 780th anniversary of baptism of Karelians. Petrozavodsk. Pp. 110–119. In Russian.

Ippolitova A. B. (2017) *Rukopisnyy sbornik 1770-kh gg. P. N. Rybnikova iz sobraniya Zonal'noy nauchnoy biblioteki Saratovskogo universiteta* [Manuscript collection of P. N. Rybnikov since the 1770s in the funds of Zone Scientific Library of Saratov State University]. *Fol'klor Bol'shoy Volgi* [Folklore of the Great Volga]. Coll. papers. Moscow. Pp. 284–309. In Russian.

Krizhanich Yu. (1997) *Politika* [Politics]. Moscow. In Russian.

Mullonen I. I. (2008) *Toponimiya Zaonezh'ya: Slovar' s istoriko-kul'turnymi kommentariyami*

[Toponymy of the North-Eastern Coast of Lake Onego]. Petrozavodsk. In Russian.

Peretts V.N. (1962) Opisaniye sobraniye rukopisey professora I.A. Shlyapkina [Description of the manuscript collection of prof. I. A. Shlyapkin]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1960 god* [Archaeographic annals 1960]. Moscow. Pp. 395–491. In Russian.

Pigin A. V. (2016) Prositeľ'noe poslanie starobryadtsev Sheltoporogskogo skita o milostyne [Precative epistle of the Old-Believers of Sheltoporog small monastery]. Finno-ugorskaya mozaika [Finno-Ugric mosaic]. Coll. papers dedicated to Irma Ivanovna Mullonen's Jubilee. Petrozavodsk. P. 308–314. In Russian.

Pryzhov I. G. (1914) Istoriya kabakov v Rossii [History of taverns in Russia]. In Russian.

Shlyapkin I. A. (comp.) (1889) Ocherk nauchnoy deyatelnosti professora O.F. Millera [Essay on scholarly activity of Prof. O. F. Miller]. Celebration of its 25th anniversary enclosed. St. Petersburg. In Russian.

Slovar' russkikh narodnykh govorov (SRNG) [Dictionary of the Russian folk dialects] (1972, 1978, 1979, 1980, 1981, 1987). Leningrad. Issues 8, 14, 15, 16, 17, 23. In Russian.

Slovar' russkikh narodnykh govorov (SRNG) [Dictionary of the Russian folk dialects] (1992,

1997, 2005). St. Petersburg. Issues 27, 31, 39. In Russian.

Terekhov M. L. (2010) Taynovidets iz otryada sontselovov [Mystery dreamer from the Sun catchers' cohort]. *Arkhitektura, stroitel'stvo, dizayn* [Architecture, building, design]. 2010. No. 04 (61). URL: <http://www.archjournal.ru/rus/04612010/tainovidec.htm> (retrieved: 22.03.2017). In Russian.

Valentsova M. M. (1995) Kol'tso [Ring]. *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethno-linguistic Dictionary]. In 5 vol. Vol. 2. Moscow. 1995. Pp. 563–566. In Russian.

Vetvenitskaya N. A. (comp.) (1903) Pamyatnaya knizhka okonchivshikh kurs na S.-Peterburgskikh Vysshikh zhenskikh kursakh. 1882–1889 gg., 1893–1903 gg. [Memory book of the graduates from the Higher education courses for women at St. Petersburg]. St. Petersburg. In Russian.

Vostrikov A. V., Leybova A. V., Leybov K. G. (1995) Biblioteka bestuzhevskikh kursov: knizhnoe sobranie I.A. Shlyapkina [Library of the Bestuzhev courses: book collection of I. A. Shlyapkin]. *Nevskiy Arkhiv* [Neva Archive]. Collection for historical and local studies. Moscow; St. Petersburg. Issue II. Pp. 398–413. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: mg-babalyk@ya.ru

Tel.: +7 (8142) 71-10-50

33, Lenina av., Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation

PhD (Philology), associate professor, Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism, Faculty of Philology, Petrozavodsk State University
